

Бедные сердечки

Ирина Истратова

Алю разбудила Шашка. Кошка устроила охоту на тапки и гоняла их по комнате, пока не загнала в щель под шкафом. Запрыгнула на стул и затаилась в ожидании, когда тапки осмелеют и выползут, но те, тоже не дураки, отсиживались.

Аля закрыла глаза, чтобы доспать двадцать минут, но тут Шашка заинтересовалась одеялом. Тронула лапой свисающий уголок — одеяло, вздрогнув, отдернулось. Судорожно сползло с Али и прижалось к стене. Аля потянула его обратно — одеяло упиралось и тряслось. Окаянная кошка совсем его зашугала! От нервов одеяло облянило ранней весной, когда стояли еще холода, и не засыпало без снотворного, а по ночам металось в постели и наползало Але на лицо.

А Шашка что-то притихла — явно не к добру. Аля встревоженно приоткрыла глаз: кошка стащила на пол Алино платье, ночевавшее на спинке стула, и топталась по нему, выпустив когти. Аля подскочила с дивана:

— Что ты делаешь?!

— Мну-у! — ответила кошка.

— Отпусти немедленно! И что ты за создание такое?!

Шашка была известно что за создание — собственная Алина разработка. Поначалу Аля хотела подарить Стасу кота Шаха — думала, мужчины лучше поладят. Потом она прочитала в женском журнале, что отцы больше любят дочек, чем сыновей. Просят родить сыновей — а сами души не чают в дочках. Аля решила, что то же правило распространяется на кошек и котов.

Еще она читала, что мужчины на самом деле не любят детей. Они любят их матерей, а детей постольку-поскольку. Так вот, применительно к кошкам это сущая правда. Когда Стас уходил, Шашку он с собой не взял. Сказал, что терпел ее только ради Али, теперь же он Алей сыт по горло, а кошкой и подавно.

Аля зажгла свет и внимательно осмотрела пострадавшее платье. Уф! Следы когтей почти не заметны, заживут дня за два. Аля протерла их перекисью водорода, натянула на себя платье и босиком пошла на кухню. Стекла кухонного окна были облеплены рекламными бабочками — красными с желтой буквой «М». Одна влетела внутрь, и Шашка бросилась в погоню.

У Стаса не доходили руки поставить спам-фильтр — из-за того и поссорились. В Алю словно вселилась лихая разрушительница Шашка, готовая взорваться или рубануть сплеча. Это она, а не Аля, назвала Стаса мальчиком и белоручкой. Сказала, что у него первый разряд только по шахматам, а все остальное ниже плинтуса. Стас тоже наговорил всякого. Но Аля-то отходчивая, а Стас злопаятный. Он не вернется.

Аля провела пальцем по поверхности обеденного стола, вызывая виртуальный дисплей. Контекстное меню

предложило хека с брокколи — Стас всегда заказывал диетический завтрак. Аля усмехнулась и выбрала кофе и оладьи. Ну и, куда деваться, рыбу для Шашки. Едопровод загудел, поднимая биомассу на сто восьмой этаж. Шашка наострила уши и забыла о бабочке. Из кухонного принтера вылез лоток, источающий рыбный запах.

— Мне-е! — потребовала Шашка.

— Тебе-тебе. — Аля поставила лоток на пол. — Не Стасу же...

Аля густо полила оладьи сиропом и бросила в кофе два кубика сахара. Жизнь без Стаса было... если честно, не так уж невмоготу. Слегка непривычно и немного пусто, как будто из кухни убрали одну табуретку.

Аля стряхнула крошки на подол: платье тоже любило сладкое. Выкинула в утилизатор пустые лотки, напоследок посмотрела на Шашку строгим взглядом и ушла на работу.

Десантный конвертоплан Эконадзора летел над северным склоном Воронцовского холма. Ветер от винтов гнал волны по морю зеленой листвы, внизу темнели глубокие балки, заросшие ивняком, и взблескивала на солнце поверхность реки. Лес тянулся, насколько хватал глаз, а над ним возвышались громады московских башен. Москва готовилась к юбилею, и башни сменили внешний вид — каждая походила на какой-нибудь памятник архитектуры. Слева по курсу, на Воробьевых горах, стояла Университетская, напоминающая здание МГУ. Ее молочная облицовка розовела в утренних лучах, оранжевые отблески горели на оконных стеклах, главный шпиль скрывался в облаке. Справа, в междуречье Чуры и Черемушки, стояли башни Профсоюзная, Академическая и Знаменская, будто сложенные из одинаковых кубиков.

Похожими домами, только маленькими, были застроены Черемушки во второй половине двадцатого века. Потом их сломали и возвели новые, а некоторое время спустя снесли всю городскую застройку, предварительно ее оцифровав. Дешевле было сохранить Москву в оптической памяти, чем реставрировать ветшающие здания, в которых никто не хотел жить. Неуважения к истории в этом не больше, чем у предков, которые ставили один архитектурный памятник на месте другого. В реальном мире нельзя иметь все историческое наследие сразу. Виртуальность же вмещала его без проблем, позволяя бродить по Москве не только в пространстве, но и во времени. А за окном зеленели леса.

Капитан Волков посмотрел на дисплей навигатора: красная точка то замирала на месте, то перескакивала метров на десять.

— Шершень, высаживай нас на ту прогалину. — Волков ткнул пальцем в карту. — Дальше разберемся на местности.

ФАНТАСТИКА

Конвертоплан завис над небольшой поляной на берегу реки. Пять метров — не высота, если прыгаешь в бобике, боевом биокостюме. У бобика мощные мышцы и потрясающее чувство равновесия. Изнутри он выстлан мягким эпителием, выделяющим противоударную слизь, а снаружи покрыт прочной чешуей. Разработчики гарантировали, что она выдержит укусы тираннозавра. Капитан Волков предпочел бы тираннозавру все-таки не попадаться: прокусить-то он, может, и не прокусит, а расплющит наверняка.

Следом за Волковым на полянку десантировались бойцы: Сколот, Ватсон и Кощей. Конвертоплан развернул винты и улетел. Бойцы разбрелись по лесу, поглядывая на дисплеи винтовок и переговариваясь по радиосвязи. Волков ощущал их веселый азарт. Так, должно быть, чувствовали себя первобытные охотники, преследовавшие добычу в этих лесах тысячелетия тому назад. Нормальная человеческая реакция. Умом Волков ее понимал, но сам ничего подобного не испытывал. Даже в самые острые моменты он сохранял спокойствие и холодноватую рассудительность. Тоже нормальная человеческая реакция — а может быть, ненормальная и нечеловеческая.

Родители Андрея Волкова, чокнутые веганы, имплантировали сыну гены кролика. Сейчас бы за такое посадили, но тридцать лет назад закона о неприкосновенности ДНК еще не существовало. По свету разгуливают бедолаги с эльфийскими ушами, хвостами и синими волосами; Волков, можно сказать, легко отделался. Но лишь на первый взгляд. Его изъян не имел внешнего проявления и, следовательно, четких границ. Люди смотрели на Волкова и гадали, в чем еще, помимо вегетарианства, проявились его травоядные гены.

В результате Волков всю жизнь доказывал, что он не зайка. Драки со сверстниками превратились в рутину; Андрей расчетливо провоцировал ссору, безжалостно бил и равнодушно получал удары. После доброй драки к нему больше не лезли со своей дискриминацией и толерантностью — неизвестно, что хуже.

На призывной комиссии Волкову настойчиво предлагали освобождение от службы. Врачам почему-то казалось, что у Волкова серьезное отклонение. В армию он, разумеется, пошел, и ему даже довелось повоевать, правда, стрелял он не в людей, а в двухголовую саранчу. Получалось неплохо. Волкова наградили медалью и позывным «Дуст».

После армии он устроился на работу в Эконадзор, мирную и скучную организацию, которая занималась в основном розыском пропавших животных. По вживленному GPS-трекеру искать не составляло труда. Случалось, что хозяева избавлялись от питомцев намеренно, и трекера тогда, понятно, не было. Бродячих животных ловили, чипировали и отпускали. Они считались частью городской среды и собственностью города Москвы. Стерильные от рождения, они не могли нанести ущерб экологии и в стаи не сбивались, потому что каждая тварь существовала в единственном экземпляре. А на тот случай, если животное представляло угрозу для человека, у Эконадзора был Дуст и его команда.

Сейчас Волков разыскивал пропавшего Кузю, тихое домашнее создание, похожее на синего кенгуру. За это задание он взялся просто потому, что находился поблизости — его группа уже вторую неделю выслеживала Черемушкинского Маньяка. Существо избегало людей и правильно

делало, иначе бы так долго не протянуло. Черемушкинский Маньяк нападал исключительно на животных, а останки закапывал — из осторожности либо впрок, как крокодил. Захоронения обнаружили по GPS-трекерам жертв. Генетический анализ выявил ДНК из стандартного набора «Птица № 5». Этот набор очень не любили в Эконадзоре, потому что биохакеры делали из него дейнонихозавров.

Также на костях убитых животных нашли следы конических зубов, а на земле и на стволах деревьев — отметины крупных серповидных когтей, по строению принадлежавших скорее самке. Бойцы Эконадзора переименовали Маньяка в Маню.

Студия биодизайна «Китоврас» находилась на минус пятом этаже торгово-развлекательного комплекса «Три башни», рядом с шахтой конвекционного лифта и выходом на станцию метро «Профсоюзная». Слева со студии соседствовал салон живой одежды, а справа — магазин приворотной косметики «Зелья бабки Аграфены».

На открытой витрине павильона «Китоврас» росла трава и стояла белая овечка. Иногда она моргала и переступала с ноги на ногу, и тогда становилось понятно, что овечка живая. Клиент заказал ее в подарок жене на юбилей свадьбы. «Сделайте так, чтобы животное не какало, — попросил он, — а то не романтично». Пришлось затормозить обменные процессы; овечка не какала, не ела и соображала ме-е-едленно. Жена углядела в подарке намек и смертельно обиделась.

Рядом с овечкой лежало круглое меховое создание по прозвищу Пыжик. Оно умело раздуваться в три раза, чтобы казаться страшнее, но люди находили это милым. Пыжика заказали родители в подарок пятилетнему сынишке, а через неделю вернули, потому что ребенок играл живым мячиком в футбол.

Аля поправила волосы, растрепанные воздушным потоком конвекционного лифта, и вошла в студию. За стойкой сидела менеджер Вика, накрашенная ярко, как ядовитая гусеница. Над ее головой висела гирлянда светящихся воздушных шаров — павильон украсили к Дню города.

— Чудненькое платье, — сказала Вика.

Аля скосила глаза себе на грудь. Общение с кошкой не прошло для платья даром: рисунок поплыл, как на картине Сальвадора Дали.

— Сама сделала, Алечка? — продолжала щебетать Вика. — А чьи гены использовала, лягушкины?

— Кошкины, — буркнула Аля и протиснулась мимо Вики в глубь павильона.

Там стояли две автоматки — устройства яйцевидной формы, метра полтора в длину. Одна была пустая, в другой развивался эмбрион. Онтогенез — сложный, нелинейный процесс: одни гены управляют экспрессией других, те управляют экспрессией третьих... Автоматка позволяла контролировать ход процесса с помощью регуляторных белков и гормонов. Из одного стандартного набора генов биодизайнер мог создать совершенно разные организмы.

Аля провела пальцем по крышке автоматки, вызывая виртуальный дисплей, и открыла логи. За ночь у эмбриона сформировались внутренние органы — в полном соответствии с Алиным проектом.

— Алечка, к тебе новый клиент. — Викин голосок оторвал ее от диагностики.

— И куда подевалась эта зверюга? — пробормотал Ватсон, разглядывая сплетение труб и кабелей сквозь очки ночного видения. Маня, судя по строению глаз, была дневным хищником, поэтому бойцы получали преимущество, выслеживая ее в темноте.

— Ящерюга, — поправил Кощей. — Динозавры были ящерицами.

— Тогда уж птичища, — хмыкнул Сколот. — Может, раньше динозавры и были ящерицами, а теперь их делают из птиц.

— Если она ушла в метро — кирдык коту, — сказал Ватсон.

— Как бы она проскользнула? У нее в животе трекер, а на входе в метро — RFID-считыватели. Ее засекут.

— Логично.

На техническом этаже торгово-развлекательного комплекса не было RFID-ридеров, и Манин след терялся.

— Ну и воняет здесь! — скривился Кощей. — А это что за дрянь? — Он пнул ногой плотный клубок шерсти, из которого торчали обломки костей.

— Это погадка, — радостно сказал Сколот. — Говорил же: птица она, птица. Ни жевать, ни обглаживать не может, поэтому глотает как есть — с костями и шкурой. А потом отрыгивает. Помню, охотились мы на грифона — ты, Кощей, в ту пору еще в стрелялки играл...

— Смотрите, что я нашел! — Ватсон стоял за вентиляционным коробом и указывал дулом винтовки куда-то вниз.

На полу лежал ворох мусора: обрывки пенополиэтилена, махровое полотенце, панама, засаленная спецовка. Сверху в этой куче было сделано углубление, выстланное оберточной бумагой. Вокруг гнезда валялись погадки. Воняло невыносимо.

— Ну и помойка! — Кощей сморщился и поддел ворох ногой.

В тот же миг с потолка сорвалась крылатая тень и спикировала ему на спину. Удар бросил Кощея лицом вниз. Тварь припилила его к полу задними лапами. Сколот вскинул винтовку — тварь взмахнула передней лапой, как фехтовальщик на саблях, и выбила оружие у него из рук. Длинная шея изогнулась, и крокодильи челюсти щелкнули возле самого лица Ватсона. Взмахнув крыльями и хвостом, Маня подпрыгнула, развернулась в воздухе и повисла под потолком, вцепившись в пучок силовых кабелей. Дуст и Ватсон выстрелили почти одновременно, но твари в том месте уже не было — она мчалась прочь по коридору, отталкиваясь от пола, стен и потолка. Выстрелы вспарывали трубы и плавляли изоляцию, ни один не попал в цель.

Вся ночь до утра принадлежала Але, и сердце замирало от восторга. Она любила пустые темные пространства, тишину и одиночество.

За стеной, в салоне живой одежды, кто-то ходил. Аля прислушалась: за стеной хрустело, скреблось и позвякивало. Аля выглянула в зал — ни души. Тихо и темно. Может, почудилось? Аля пожалала плечами — и вдруг краем глаза зацепила тень, бесшумно отделившуюся от потолка. Существо перевернулось в воздухе, взмахнуло оперенными конечностями и приземлилось на пол — чисто, как олимпийский гимнаст.

Перед Алей стоял манираптор. Она словно разделилась пополам: у одной Али сердце ушло в пятки, а другая придирчиво рассматривала работу неизвестного биодизай-

нера. Красивая, гармонично спроектированная молодая самка. Тварь тоже изучала Алю, склонив голову набок. Из пасти, корчась в агонии, свисали штанины брюк.

Аля попятилась. Манираптор шагнул следом, клацнув когтями по полу, и протянул руку, словно для рукопожатия — каждый палец оканчивался лезвием. Аля медленно отступила в павильон, отошла за стойку и села на пол.

Нужно достать телефон. Нужно вызвать помощь. Аля принялась водить пальцем по двери сейфа, рисуя графический пароль. Руки тряслись, и сейф не открывался.

Аля посмотрела в щель между столешницей и задней стенкой стойки. Манираптор подошел к открытой витрине. Пыжик угрожающе надулся, овечка стояла смиренно, как неживая. Тварь взяла Пыжика — так наманикюренная дама берет вишенку — и положила в пасть. По горлу прокатился комок.

Затем тварь заинтересовалась овечкой. Поводила носом вдоль тела, изучая. Ткнула мордой в бок. Овечка покачнулась, переступила с ноги на ногу и моргнула. Тварь фыркнула и отвернулась. Что ж, закономерно: существо, которое не ест и не какает, и само несъедобно. Интересно, подумала профессиональная половина Али, как манираптор это определил. По запаху?

Тварь подскочила, взмахнула оперенными руками и взмыла в воздух. Столешница над Алиной головой содрогнулась и просела. Загнутые когти уцепились за край — в двадцати сантиметрах от Алиного лица. Манираптору оставалось лишь прыгнуть на пол и достать Алю из ее убежища, но он почему-то не торопился.

«Хлоп! — раздалось в тишине. — Хлоп, хлоп-хлоп!» Очень медленно Аля высунула голову из-под стойки. Тварь стояла на цыпочках и тыкала пальцем в светящиеся воздушные шары. Не отрывая взгляда от манираптора, Аля осторожно выползла из-под стойки и на четвереньках попятилась из студии.

Вика просматривала анкеты на сайте знакомств: этот вроде ничего, этот тоже ничего... А в реале, наверно, ужас-ужас. То ли дело Станислав! Красивый, интеллигентный, образованный. Дура Алька счастья своего не ценила. Собака на сене. И почему все приличные мужчины, заходящие в студию, западают не на Вику, а на эту Альку?

Хоть бы ее уволили! А что, это можно устроить. Алька нарушила режим, осталась на ночь на работе. Надо поставить в известность администрацию. Вика открыла сайт торгово-развлекательного комплекса «Три башни» и, смакуя каждое слово, написала жалобу.

В спине Кощея зиял прокол, из которого гейзером выплескивалась кровь. Биокостюм сокращал мышцы, пытаясь закрыть рану, но ему досталось еще сильнее. Спина бобика была изорвана когтями, чешуя содрана с мясом. Прозрачная кровь мешалась с человеческой.

Кощей перевернули — из ноздрей и рта потекли кровавые струи.

— А говорили... тираннозавра... — Кощей закашлялся. — Вот враки...

— Не разговаривай, — велел Волков. — Мы отступаем. Сколот, Ватсон, несете Кощея. Я прикрываю. База, будьте готовы открыть нам выход.

— Дуст, вы не можете уйти, — раздалось в наушнике. — Поступила информация, что в комплексе остался че-

ловек. Минус пятый уровень, Профсоюзная башня, район конвекционного лифта.

— Понял вас, — ответил Волков. — Я проверю. Провожу ребят до выхода, вернусь и проверю.

Клацая когтями, в магазин «Зелья бабки Аграфены» вошел манираптор. Аля съезжилась за прилавком. Хищная тварь покрутилась перед зеркалом у тестер-стенда, ткнула мордой в стекло, фыркнула и отвернулась. Аля нащупала на прилавке флакон духов, поспешно отвинтила крышку и вытряхнула содержимое себе на волосы. В нос ударил сокрушительный цветочный аромат. Еще один пузырек Аля вылила себе на грудь.

Тварь изогнула длинную шею и уставилась на Алю. Подошла, приблизила морду прямо к лицу. Аля замерла и задержала дыхание, чтобы казаться еще несъедобней. Желтый птичий глаз подернулся третьим веком; тварь поводила мордой, принохиваясь. Чихнула и отскочила, тряся головой. Посмотрела недоуменно и обиженно, будто ребенок, которому подсунули стекляшку вместо леденца.

Внезапно за спиной манираптора взорвался стеллаж. Верхушка опрокинулась на пол, на стене вспух багровый, быстро остывающий шрам в пузырях вскипевшего пластика. Пригнувшись, тварь метнулась в сторону, развернулась, скрежеща когтями по полу, прыгнула на стену, на потолок и вылетела из павильона.

Через прилавок перескочил человек в чешуйчатом костюме. В руках у него было страшное ружье с экранчиком.

— Вы не попали, — сказала Аля.

— Боялся вас задеть. — Мужчина протянул руку и помог Але подняться. — Капитан Волков Андрей Александрович, спецназ Эконадзора.

— Аля, то есть Алевтина Капустина. Сергеевна.

Она вцепилась в протянутую руку и не хотела отпускать. Аля-профессионал заинтересовалась биокостюмом. В нем сочетались очень архаичные и очень продвинутые признаки — не похоже, что использовали стандартный генетический набор. Другая, испуганная Аля с надеждой спросила Волкова:

— Вы меня спасете, да?

— Конечно. Скоро придет подкрепление, и мы отправимся домой. А пока я буду вас охранять.

Аля нервно посмотрела по сторонам, поежилась.

— Давайте пойдем домой прямо сейчас, а? Лифт совсем рядом, всего сто метров через зал.

— На открытом пространстве эта тварь может напасть в любой момент, поэтому безопаснее переждать здесь. Согласитесь, это разумно.

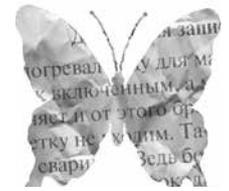
— Разумно, — согласилась Аля, и из ее глаз закапали слезы.

Оглядываясь и поводя стволом винтовки, Волков шел через зал к лифту. На левом локте висела Аля и, честно говоря, мешала. И этот запах! Густой аромат духов бил под дых, как боксер-тяжеловес.

Доведя Алю до входа в шахту, Волков встал спиной к дверям и сказал:

— База, мы на месте. Открывайте.

У Али вырвался облегченный вскрик. Она юркнула в щель между разъезжающимися створками, следом вошел Волков, продолжая держать зал под прицелом. Воздушный поток подхватил их и понес вверх.

ФАНТАСТИКА

Шахта конвекционного лифта собирала теплый воздух со всего торгового комплекса и как гигантская вытяжка поднимала его на трехкилометровую высоту. Она охлаждала также третий контур ядерного реактора и хлорелловые культиваторы, спрятанные глубоко под землей. Ствол шахты охватывали кольца безлопастных вентиляторов, которые выравняли и регулировали воздушный поток.

Волков раскинул руки и ноги, чтобы ускорить подъем. Биокостюм сопротивлялся — ему казалось, что он падает, и он пытался сгруппироваться.

И тут в медленно закрывающуюся дверь лифта влетела Маня. Она закувыркалась в воздушной струе, но ловко выправилась и легла на восходящий поток. Течение повлекло ее вверх. Она заложила спираль и понеслась на Волкова, разинув зубастую пасть. Аля вскрикнула и вцепилась в его руку. Они завертелись, теряя высоту, и тварь промчалась мимо. Вытянувшись стрелой, она упала в отвесное пике и снова ринулась на них — теперь сверху.

Волков прижал к себе Алю, чтобы ее не задело выстрелом, вскинул винтовку и открыл огонь. Отдача бросила его вниз и вбок. Он успел развернуться и впечатался ногами в стену, потом спружинил от противоположной — и приземлился на дно шахты. Тело твари, безжизненно танцвясь, рухнуло рядом секунду спустя. В воздухе канцеляли перья.

Аля лежала у Волкова на руках. Ее волосы растрепались, глаза блестели. Волков склонился и поцеловал ее.

— Простите, — сказал он, отстранившись. — Мне жаль.

— Вы не виноваты, — ответила Аля. — Это все духи с феромонами.

Волков никак не мог закончить отчет. Хоть убей, не входило писать про Алю сухим языком официального документа. Неужели виноваты феромоны? Любой бы другой на месте Волкова пожал плечами и посмеялся. В конце концов, мало ли женщин пользуется духами с феромонами — а он до сих пор ни в одну не влюбился. Не в этом, получается, дело.

Однако для Волкова внешние воздействия были больной темой. В нем с рождения сидели инородные гены, и Волков не знал, как далеко простиралась их власть. Он привык препарировать свои чувства, отсекая все, как ему представлялось, навязанное и принужденное. Точно также надлежало поступить с этой биохимической любовью — отбросить и забыть. Но возникшее чувство казалось таким настоящим, что становилось страшно. Волков не видел четкой границы, по которой следовало произвести разрез. Возможно, той границы не существовало вовсе, и он, вооруженный скальпелем самоанализа и тисками самоконтроля, лишь калечил сам себя? Пора с этим завязать. Хватит.

Дверь приоткрылась, и в кабинет заглянул Сколот.

— Дуст, пойдём помянем.

— Кого? — рассеянно откликнулся Волков.

— Гошу.

— Кого?

— Кошечья бобика, — пояснил Сколот. — Его звали Гоша. Уже все принесли, накрыли, ждём тебя. Пойдём помянем по-человечески.

— Пойдём, — согласился Волков, продолжая размышлять о своем.

Волков понюхал цветы, его передернуло, и он сунул букет в урну.

Этот букет был уже третий по счёту. Первый он выкинул потому, что глупо дарить одному биодизайнеру плод трудов другого биодизайнера. А второй — потому, что испытание, через которое они прошли вместе с Алей, сделало их кем-то вроде боевых товарищей. Заявиться к ней с цветами? Это как в больницу к выздоравливающему Кошечку притащить йогурт вместо пива.

Волков переступил порог павильона «Китоврас». Внутри находилась Аля и ещё какая-то девушка. Аля работала, склонившись над блестящим яйцообразным агрегатом. Волков приблизился, и Аля подняла голову.

— Вы? — удивилась она. — Пришли?

— Я долго размышлял над вашими словами, — сказал Волков, — и думаю, что дело не только в феромонах. А даже если и в них...

Аля сконфуженно водила пальцем по металлической поверхности прибора. Из-под пальца выскакивали сообщения об ошибке. Волков нахмурился:

— Что-то не так?

— В тех духах были цветочкины феромоны, — сказала Аля. — Они действуют исключительно на пчелок.

— Зачем же вы ввели меня в заблуждение? — рассердился Волков.

— А вы? — столь же негодуя ответила Аля. — Зачем вы сказали, что вам жаль?

Оказалось, у Андрея полно недостатков.

Во-первых, он сердился, когда Аля задерживалась на работе. А сам-то! Его могли выдернуть на задание посреди ночи или из гостей. Да что там! Свадебное путешествие испортили, не постеснялись.

Во-вторых, Андрей не любил Шашку. Нет, он ее не обижал, но, судя по ряду признаков... Аля измучилась гадать и как-то раз спросила напрямую.

— Люблю, — отвечал Андрей.

— Что же ты ее никогда не погладишь, не возьмешь на ручки?

— Давай лучше я поглажу тебя, — предложил Андрей и провел рукой по Алиной спине.

У Али по телу побежали мурашки, мысли перепутались, и она позволила Андрею увести разговор в другую плоскость.

Наконец, у Андрея не доходили руки поставить спам-фильтр, и в квартиру то и дело залетали рекламные птицы и насекомые. Впрочем, это мелочи — с этим Аля справится сама.

Она взяла рамку с натянутой на нее сеткой и вставила в оконный проем.

